

Григорий Богослов

**Творения иже во святых отца нашего
Григория Богослова**

том 6

УДК 291
ББК 86.3
Г83

Г83 **Григорий Богослов**
Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова: том 6 / Григорий Богослов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 360 с.

ISBN 978-5-458-23185-5

ISBN 978-5-458-23185-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СТИХОТВОРЕНІЕ,

въ которомъ Святый Григорій пересказываетъ
жизнь свою.

Цѣль этого слова—изобразить ходъ моихъ несчастій, а можетъ быть, и счастливыхъ обстоятельствъ жизни, потому что одинъ назоветъ ихъ такъ, другой иначе, въ какомъ самъ, думаю, будетъ расположеніи духа. А нашъ произволъ—не надежное мѣрило въ судѣ. Мѣрная же рѣчь, забавляя, врачуетъ отъ скорби, а молодымъ людямъ служить и урокомъ, и услажденіемъ, однимъ словомъ : пріятнымъ наставленіемъ.

И слово мое къ вамъ, нѣкогда моимъ, а теперь для меня чужимъ,—къ вамъ, и единовѣрные со мною, и не право мыслящіе, ежели есть они; потому что всякой сталъ ко мнѣ благорасположеннымъ, какъ скоро сомкнулъ я уста. Вы, именитое око вселенной, обитатели, сколько вижу, новаго міра, облеченные лѣпотами суши и моря, ты, новосозданный Римъ, отечество новыхъ знаменитостей, градъ Константиновъ и столпъ Державы! выслушайте человѣка самаго нелживаго, который во многихъ пере-

воротахъ жизни; гдѣ и узнается многое, не мало понесъ трудовъ,

Все ветшаетъ, ветшаетъ даже и прекрасное со временемъ; въ остаткѣ — или ничего, или самая малость. Гдѣ смыло землю стремительнымъ потокомъ проливныхъ дождей, тамъ остаются одни мелкіе камни; по сему ни мало не удивительно, если скажу то же о людяхъ обыкновенныхъ, которые и прежде не бывали въ числѣ добрыхъ, но походили на безсловесныхъ, поникшихъ къ землѣ. Страшный же, изрытый пропастями оврагъ, — это мы, то есть, наше, забывшее чинъ свой, сословіе (говорю сіе со слезами); это мы, не на добро возсѣдшіе на высокихъ престолахъ; мы, предсѣдатели народа, учителя прекраснаго; мы, которымъ дано въ удѣлъ питать души божественною пищею, но которые сами истаяваемъ голодомъ; мы, враги немощей и въ то же время мертвецы, заражающіе непрестанно новыми и новыми недугами; мы путеводители по стезямъ, можетъ быть, стремнистымъ, по стезямъ, по которымъ никого еще не водили, даже не ходили и сами; мы, не послѣдовать которымъ — правило самое короткое, и вмѣстѣ урокъ, всего прямѣе ведущій ко спасенію, мы, которыхъ эта возвышенность обличаетъ въ худыхъ нравахъ, а эта рѣшетка отдѣляетъ отъ прочихъ не жизнь, но высокомеріемъ. Но почему рѣшился я передать это слову, тогда какъ не люблю разглашать многое безъ уважительной причины; пусть слышитъ это всякій и теперь, и въ послѣдующія времена.

А рассказъ объ обстоятельствахъ моей жизни, хотя потребуется и длинное слово, необходимо начать нѣсколько выше, чтобъ не дать укрѣпиться лживымъ обомнѣннѣ рѣчамъ; потому что злые люди любятъ на пострадавшихъ слагать вину въ томъ, что сами сдѣлали имъ

худаго , чтобъ этою ложью еще болѣе причинить имъ зла, а себя избавить отъ обвиненій. И это пусть будетъ введеніемъ въ слово.

Отецъ мой былъ прекрасный и весьма добрый старецъ, простой нравомъ, образецъ для жизни, истинный патріархъ, второй Авраамъ. Добродѣтели его были дѣйствительныя, а не мнимыя, какія видимъ нынѣ. Прежде жилъ онъ въ заблужденіи , а потомъ сталъ другомъ Христовымъ , потомъ сдѣлался Пастыремъ , и даже какою-то моцію Пастырей. Матерь же моя, выражусь коротко, ни въ чемъ не уступавшая такому супругу , ему равновѣсный талантъ, происходя отъ благочестивыхъ родителей, сначала превосходила его благочестіемъ, и по тѣлу только была женщина, а по нравамъ превышала мужчинъ. Оба по жизни составляли для всѣхъ общій предметъ разговоровъ.

Чѣмъ подтверждаю слово , объявляя о слѣдующемъ ? Въ свидѣтели рассказываемаго мною представляю ее же— мою родительницу, эти уста истины. У ней было въ обычаѣ—лучше скрывать и явное, нежели изъ славолубія хвалиться сокровеннымъ. И въ этомъ руководилъ ея великій наставникъ—страхъ. Она, желая видѣть въ домѣ своемъ рожденіе дитяти мужескаго пола, что, конечно, вождельно для многихъ, открыла желаніе свое Богу, и просила исполнить оное. И какъ сердце было неудержимо, предваря дарованіе усердіемъ, отдаетъ она Богу даръ, который желала получить. А потому и дорогой обѣтъ не остался безъ исполненія ; благопріятнымъ же началомъ сего послужило ей видѣніе , показавши тѣнь желаемого ; ей ясно представились и мой образъ и мое имя.

И этотъ даръ ночи сталъ дѣйствительностію , потому

что родился у нихъ я. И если достоинъ я обѣта , это даръ даровавшаго меня Бога. А если не соотвѣтствую обѣту, мой это грѣхъ. Такъ вступилъ я въ жизнь сію ; такъ я несчастный сталъ сопряженъ съ брениемъ и съ этимъ составомъ, которые владѣютъ мною , и которыми съ трудомъ владѣю самъ! По крайней мѣрѣ не лъзя не благодарить за то , что въ залогъ всего прекраснаго получилъ я такое рожденіе. А какъ скоро вступилъ въ міръ, тотчасъ дѣлаюсь ему чуждымъ, и отчужденъ прекрасно, потому что посвященъ въ даръ Богу, какъ агнецъ, или любимый телецъ , жертва благородная и разумная , по медлю говорить, какъ новый Самуилъ, развѣ и сіе скажу изъ уваженія къ ревности принесшихъ меня въ даръ.

Отъ пеленъ воспитанный во всемъ прекрасномъ , потому что имѣлъ совершеннѣйшіе образцы для себя дома, тогда еще пріобрѣлъ я какую-то старческую степенность; и какъ облако къ облаку, мало по малу скопилось во мнѣ усердіе къ усовершенію. Я возрасталъ , а вмѣстѣ преуспѣвалъ во мнѣ и разумъ. Съ радостію читалъ я книги , въ которыхъ проповѣдуется о Богѣ , и имѣлъ обращеніе съ мужами, которые совершенны по нравамъ.

Таково было начало. Но не знаю , какую стезю избрать мнѣ для слова, при описаніи послѣдующаго. Скрыть ли мнѣ тѣ чудеса , какими возбуждалъ меня Богъ , принявъ ревность мою за доброе начало (ибо такъ влечетъ Онъ обыкновенно людей ко спасенію), или со всѣмъ усердіемъ изречь ихъ передъ всѣми? Одно не благодарно , а другое не безъ кичливости. Лучше молчать. Съ меня довольно и того , что знаю это самъ. Иначе будетъ противорѣчить слову видимое теперь, какъ недостаточное въ сравненіи съ тогдашнею ревностію. Но что необходимо, то сдѣлаю извѣстнымъ для многихъ.

Еще не опустились мои ланиты ; но мною владѣла какая-то пламенная любовь къ наукамъ. И не совсѣмъ чистыя ученія старался я придать въ помощь ученіямъ истиннымъ, чтобъ не превозносились ничему не обучившіеся, кромѣ суетнаго и пустаго краснословія, которое состоитъ въ громкости и благозвучіи , и чтобъ самъ я могъ не запутываться въ хитросплетеніяхъ лжеумствований. Но мнѣ никогда не приходило на мысль предпочесть что либо нашимъ урокамъ.

Однако жъ, чему всегда подвергается пламенность молодыхъ людей, которая легко предается безпорядочнымъ стремленіямъ, тому подвергся и я, пустившись въ путь, какъ полный отваги молодой конь. Совершенно не своевременно, когда еще не утихло море, когда , по словамъ знающихъ дѣло, грозилъ опасностію какой-то хвостъ тельца (а), и плыть было дѣломъ дерзости, а не благоразумія, оставилъ я Александрію , гдѣ пожалуй уже нѣсколько познаній , и разсѣкалъ море , несясь прямо въ Элладу. Когда огибали мы Кипръ ; бунтующіе вѣтры всколебали корабль. Земля , море , эфиръ , омраченное небо—все слилось въ одну ночь. На удары молній отзывались громы, плескались канаты у надутыхъ вѣтрилъ, мачта гнулась, кормило потеряло всю силу, и ручку руля насильно вырывало изъ рукъ , вода стѣною стояла надъ кораблемъ и наполняла собою подводную его часть. Смѣшались плачевные крики корабельныхъ служителей , начальниковъ , хозяевъ корабля , путешественниковъ , которые всѣ, даже и не знавшіе прежде Бога, единогласно призывали Христа ; потому что страхъ — самый вразу-

(а) Въ ноябрѣ мѣсяцъ, когда , при заходѣ снѣ солнца , восходитъ созвѣздіе тельца.

мительный урокъ. Но ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ бѣдствій было безводіе на корабль, который отъ сильныхъ потрясеній разсѣлся, и сквозь дно пролились въ глубину всѣ, какія были на немъ, сокровища сладкой влаги. Надобно было умереть, борясь съ голодомъ, бурей и вѣтрами. Правда, Богъ посылаетъ скорое отъ этого избавленіе. Вдругъ появились финикійскіе купцы, и хотя сами въ страхѣ, но по нашимъ мольбамъ, узнавъ о крайности бѣдствія, съ помощію багровъ и при могучихъ ударахъ руками, какъ люди сильные, вскочили они на корабль, и спасаютъ насъ почти уже мертвыхъ плавателей, походившихъ на рыбъ, которыя оставлены моремъ на сушѣ, или на умирающій свѣтильникъ, которому недостаетъ питанія. Но между тѣмъ ревущее море, въ продолженіе многихъ дней, непрестанно больше противъ насъ свирѣпѣло. Послѣ многихъ поворотовъ не знали мы, куда плывемъ, и не видѣли себѣ никакого спасенія отъ Бога.

Когда же всѣ боялись смерти обыкновенной; для меня еще ужаснѣе была смерть внутренняя. Не гостепріимно убійственныя воды лишали меня водъ очистительныхъ, которыя соединили бы меня съ Богомъ. Объ этомъ проливалъ я слезы; въ этомъ состояло мое несчастіе; объ этомъ я, несчастный, простирая руки, возносилъ вопли, которые заглушали сильный шумъ волнъ, терзалъ свою одежду и, ницъ распростершись, лежалъ подавленный горестію. Но вотъ что, хотя мало вѣроятно, однако же совершенно не ложно. Всѣ плывшіе на корабль, забывъ о собственномъ бѣдствіи, и, въ общемъ несчастіи ставъ благочестивыми, со мной соединяли молитвенные вопли. Столько были они сострадательны къ моимъ мученіямъ!

Ты, Христе, и тогда былъ моимъ великимъ Спасите-

лемъ, и теперь избавляешь отъ волненій жизни. Когда не представлялось никакой доброй надежды, ни острова, ни твердой земли, ни вершины горъ, ни горящаго свѣтильника, ни звѣздъ—путеуказателей мореходцамъ, ничего—ни большого, ни малаго не было въ виду, что тогда предпринимаю? Какое окончаніе моего затруднительнаго положенія? Отчаявшись во всемъ дольномъ, обращаю взоръ къ Тебѣ, моя жизнь, мое дыханіе, мой свѣтъ, моя сила, мое спасеніе, къ Тебѣ, Который устрашаешь, поражаешь, ослабляешься, врачуешь и къ горестному всегда присоединяешь полезное. Напомнявъ же Тебѣ о всѣхъ прежнихъ чудесахъ, въ которыхъ познаемъ Твою великую руку, о морѣ раздѣленномъ и о путешествующемъ по оному Израиль, о врагахъ побѣжденныхъ воздвиганіемъ рукъ, объ Египтянахъ, сокрушенныхъ небесными карами, о твари рабски повинующейся вождямъ, о стѣнахъ разрушенныхъ звукомъ трубъ и обхожденіемъ, а къ чудесамъ прославленнымъ издревле присовокупивъ чудеса и надо мною совершившіяся, сказалъ я: «Твой я былъ прежде, Твой и теперь. Ты двукратно пріймешь меня, какъ одно изъ дорогихъ для Тебя достояній, какъ даръ суши и моря, очищенный и матернимъ обътомъ и презмѣрнымъ страхомъ. Для Тебя буду я жить, если избѣгну сугубой опасности. Ты утратишь Своего служителя, если не спасешь меня. И теперь ученикъ Твой обуревается. Отряси сонъ, или прійди по водамъ, и прекрати опасность». Такъ говорилъ я, и бушеваніе вѣтровъ прекратилось, море опало, корабль понесся прямо. И вотъ пріобрѣтеніе моей молитвы. Кто ни былъ на кораблѣ, всѣ сошли съ него, благоговѣя предъ великимъ Христомъ, получивъ отъ Бога сугубое спасеніе. Между тѣмъ, миновавъ Родосъ, въ скоромъ времени, при по-

путномъ вѣтрѣ , взошли мы въ эгинскую пристань ; потому что корабль былъ эгинскій .

Потомъ Аѳины и науки . Но пусть другіе скажутъ , что было тамъ , какъ жилъ я въ Божіемъ страхѣ , стараясь первенствовать между знавшими то , что есть самое первое ; и когда другіе молодые люди между своими собратствами , въ порывахъ юности и отважной стремительности , предавались излишествамъ , проводилъ я тихую жизнь . Подобно тому источнику , который , какъ сказываютъ , и среди горькихъ водъ моря остается сладкимъ , не увлекался я за тѣми , которые вели къ пагубѣ , но самъ привлекалъ друзей къ совершеннѣйшему . А мнѣ Богъ и въ этомъ оказалъ благодѣяніе , соединилъ меня узами дружбы съ человѣкомъ самымъ мудрымъ , который одинъ и жизнию и словомъ всѣхъ былъ выше . Кто жъ это ? Весьма легко узнаете его . Это Василій—великое пріобрѣтеніе для настоящаго вѣка . Съ нимъ вмѣстѣ мы учились , и жили , и размышляли . Если должно чѣмъ и похвалиться , то я составлялъ съ нимъ чету не безчестную для Эллады . У насъ все было общее , и одна душа въ обоихъ связывала то , что раздѣляли тѣла . А что преимущественно насъ соединяло , такъ это Богъ и стремленіе къ совершенству . Когда пріобрѣли мы столько взаимной довѣренности другъ къ другу , что высказали одинъ другому и глубины сердечныя ; тогда соединились между собою еще тѣснѣйшими узами любви ; потому что одинаковость чувствованій и взаимную привязанность дѣлаетъ болѣе неразрывною .

Что же потомъ ?—Возвращеніе въ отечество и избраніе рода жизни . Много уже времени посвящено было наукамъ . Мнѣ почти исполнилось тридцать лѣтъ . Здѣсь-то узналъ я , сколько любили насъ товарищи , и какое

имѣли о насъ мнѣніе. Время приближалось, приближался и трудный подвигъ. Нужны стали объятія и слезныя напутственныя рѣчи, въ которыхъ припоминались сердечныя воспламененія другъ къ другу. Принужденно и съ трудомъ, однако же уступили Василию, когда представилъ многія причины своего отъѣзда. А у меня и теперь еще текутъ слезы, при воспоминаніи о тогдашнемъ смущеніи. Съ великою поспѣшностію окружили меня всѣ, чужеземцы, близкіе знакомые, сверстники, учителя; къ заклинаніямъ и слезамъ присоединили даже и насиліе; дружба внушила имъ отважиться и на это. Меня крѣпко держали, говоря: «Что ни будетъ, не выпустимъ отсюда! Почтенныя Аѣины не должны лишиться тебя; они по общему приговору отдадутъ тебѣ первенство въ словесности». Одинъ дубъ развѣ мой бы противиться столькимъ слезамъ и убѣжденіямъ, и я уступилъ, впрочемъ не совершенно. Меня влекло къ себѣ отечество. Оно одно почти подъ солнцемъ было сильно вѣрою. Тамъ посвятить себя любомудрію — казалось мнѣ прекраснѣйшимъ дѣломъ. Туда привлекали меня и родители, обремененные старостію и временемъ. Поэтому не долго пробылъ я въ Аѣинахъ, скрылся оттуда почти тайно и пустился въ путь.

Показалъ я и образцы своего краснорѣчія, удовлетворилъ недугу людей, которые требовали отъ меня этого, какъ долга. Но въ виду у меня были не рукоплесканія, не говоръ удивленія, не упоенія, не поклоненія, которыми въ толпѣ молодыхъ людей восхищаются софисты. Я выше всего поставилъ для себя то любомудріе, чтобъ и все прочее, и ученыя труды свои повергнуть предъ Богомъ, какъ иные оставляли помѣстья свои пастухамъ, или, собравъ свое золото, кидали въ морскую глубину. Одна-

ко же, какъ сказалъ я, покорился я волѣ друзей. И сіе послужило какъ бы предуготовительнымъ упражненіемъ къ будущимъ подвигамъ, или преддверіемъ важнѣйшихъ таинствъ.

Наконецъ нужна была мужественная рѣшимость. Во внутреннее судилище собираю друзей, то есть, помыслы свои—этихъ искреннихъ совѣтниковъ. И когда искалъ я лучшаго изъ лучшаго, страшный круговоротъ объялъ мой умъ. Равно было рѣшено мною—все плотское вринуть въ глубину; и теперь это всего болѣе нравилось. Но когда сталъ я разсматривать самые пути божественные, не легко было найти путь лучшій и гладкій. И тотъ и другой изъ нихъ, какъ это часто бываетъ съ нами, когда рѣшаемся на какое либо дѣло, казался по чему нибудь или хорошимъ, или худымъ. Если же состояніе мое изобразить какимъ нибудь сравненіемъ; то я походилъ на человѣка, который задумываетъ отдаленное какое-то странствованіе, но, избѣгая плаванія по морю и трудовъ мореходныхъ, отыскиваетъ путь, на которомъ было бы больше удобствъ. Приходили мнѣ на мысль Ілія Ѳесвитянинъ, великій Кармилъ, необычайная пища, достояніе Предтечи—пустыня, нищетолюбивая жизнь сыновъ Іоанадавовыхъ. Съ другой стороны пересиливали любовь къ Божественнымъ книгамъ и свѣтъ Духа, почерпаемый при углубленіи въ Божіе Слово, а такое занятіе—не дѣло пустыни и безмолвія. Много разъ колебался я туда и сюда, и наконецъ умирилъ свои желанія, и скитающійся умъ установилъ на срединѣ, а именно слѣдующимъ образомъ:

Я примѣчалъ, что люди, которымъ нравится дѣятельная жизнь, полезны въ обществѣ, но бесполезны себѣ, и ихъ возмущаютъ бѣдствія; отъ чего мягкій нравъ ихъ